

ОСОБЕННОСТИ ФЕМИНИЗМА В ИЗРАИЛЕ: ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА, ЯЗЫК

Ирина Германовна Овчинникова
профессор кафедры речевой коммуникации
Пермский государственный университет
614990, Пермь, ул. Букирева, 15. iri-ovchinniko@yandex.ru

Статья посвящена описанию языка иврит в гендерном аспекте. Особенностью проявления гендера в иврите является сочетание новых тенденций в образовании номинаций по профессии лиц женского пола с сохранением асимметрии в обращениях. Грамматическая категория рода является классификационной и существенна в синтаксическом отношении. Согласно экспериментальным данным, грамматический род изолированных существительных не актуален для сознания носителей языка. Андроцентризм иврита можно оценить как умеренный. Проявление гендера в языке иврит анализируется на фоне развития феминизма в политической и культурной жизни государства Израиль.

Ключевые слова: западный феминизм; восточный феминизм; грамматический род; словообразование; семантическая категория.

Основная цель нашего исследования состоит в систематизации представлений о феминизме в Израиле, гендерных исследованиях и отражении гендерного фактора в языке иврит. Насколько мы можем судить, этот аспект функционирования языка пока изучен и описан недостаточно. Иначе говоря, мы попытаемся, не претендуя на полноту, охарактеризовать:

1) языковую норму, зафиксированную в словарях и грамматиках (способы выражения грамматического рода и средства выражения обусловленных полом различий в номинациях);

2) речевую практику, отраженную как в СМИ, так и в повседневном нерегламентированном общении;

3) представления о грамматическом роде в сознании носителей языка (по данным психолингвистических экспериментов).

Мы охарактеризуем особенности феминистского движения в Израиле и опишем чувствительные к гендеру средства иврита.

1. Израильский феминизм: специфика и достижения

Феминистское движение в Израиле неоднородно. Истоки израильского феминизма очевидны: и первые феминистки, и большая часть нынешних участниц движения получили образование в США или Западной Европе. Прозападные и проамериканские феминистки в XX столетии тяготели к левому крылу политического спектра. Основной проблемой, которую они пытались и пытаются решать в Израиле, остается, как и во

всем мире, борьба за равные права с мужчиной и изменение социальных стереотипов о женщине. Специфические для Израиля проблемы обусловлены внешнеполитическим статусом и законами государства: борьба за мир, борьба за равноправие женщин в религиозном отношении, борьба за равноправие женщин в военных учреждениях¹. Заметим, что именно в последнем победы феминисток особенно заметны: женщины имеют право служить в Армии обороны Израиля, получать воинские звания и занимать высокие посты, равно как и выбирать альтернативную службу.

1.1. Неявная дискриминация по полу в Израиле

Правительство Израиля обратило специальное внимание на положение женщин в обществе в 1975 г., объявленном ЮНЕСКО Годом женщины. Подготовленный правительственными службами официальный аналитический отчет позволил обнаружить распространенное повсеместно неравенство полов. Оно проявлялось и в недостаточной вовлеченности женщин в социальную деятельность: участие женщин в социальной жизни было ограничено сферами, так или иначе связанными с семьей (воспитание, образование, здравоохранение, сфера обслуживания), причем присутствие женщин на ключевых постах оставалось минимальным. Результаты аналитического отчета оказались неожиданными, поскольку Израиль многие считали форпостом женского равноправия (см., например: [Jewish Feminism 2003]). Иллюзия равноправия полов возникла в

50-е гг. во время создания государства Израиль в недружественном окружении. Строителям новой республики приходилось выполнять все обязанности, невзирая на биологический пол: служить в армии, выполнять физическую работу в промышленности и сельском хозяйстве, развивать культуру, принимать ответственные решения.

Правительственный аналитический отчет придал новый импульс феминистскому движению. При премьер-министре вводится пост советника по вопросам положения женщин в обществе, затем появляется Israel Women's Network² – организация, координирующая усилия женщин в изучении общества, расширении возможностей получения образования и лоббирования интересов женщин в кнессете. В настоящее время в Израиле действуют около десяти разнообразных феминистских организаций³.

1.2. Западный и восточный феминизм

Израиль представляет собой поликультурное государство. Разные этносы, поддерживающие различные культурные и религиозные традиции, сосуществуют сравнительно автономно. Наряду с характерным для Европы и Северной Америки «западным» стилем жизни, в Израиле весьма распространены «восточные» традиции. Восточный образ жизни и восточный менталитет свойственны не только арабской части населения страны (также неоднородной), но и репатриантам из Эфиопии, Йемена и ряда других регионов. Характерное для восточного менталитета отношение к женщине стимулирует феминистское движение решать самые разнообразные задачи. В связи с этим за последнюю четверть века, помимо традиционного западного феминизма, оформился еще и так называемый восточный феминизм. Последний, наряду с общей борьбой за равноправие женщин в демократическом обществе, нацелен на защиту прав и интересов отдельных социальных групп, неполноценно представленных в общественных институтах. Восточный феминизм, не отрицая необходимости борьбы за равные с мужчиной права, настаивает на праве женщины не соответствовать западным стандартам, соблюдать национальные традиции и обряды, выбирать между восточным (прежде всего патриархальным) и западным стилями жизни⁴. В этом смысле восточный феминизм представляет собой вариант поликультурного феминизма, в рамках которого, впрочем, и было выработано обоснование борьбы неевропейских женщин за право оставаться «непохожими», отстаивать специфические права и потребности, формировать отдельное течение в общей феминистской политике. Восточный феминизм отра-

жает интересы женщин из менее благополучных в социально-экономическом отношении социальных страт. Для неблагополучных в социально-экономическом отношении обществ важно решить такие задачи, уже решенные в свободном демократическом обществе, как борьба с бедностью и безработицей, борьба за право получить среднее образование, борьба за образование для детей, борьба за минимальную зарплату, превышающую прожиточный минимум. Словом, в восточном феминизме актуальна *борьба за выживание*.

Часть проживающих в Израиле арабов и некоторые репатрианты из африканских стран поддерживают патриархальный образ жизни, при котором культивируется многодетность. Девочки зачастую не посещают школу, исключены из социальной жизни и лишены возможности выбирать жизненный сценарий и выстраивать жизнь по собственному выбору. Специфические проблемы, стоящие перед восточными феминистками, остаются в современном Израиле для части социума весьма актуальными.

Таким образом, в Израиле с конца 70-х гг. прошлого столетия, со времени декларации единого феминистского движения, защищающего права всех женщин страны, существуют противоречия между проамериканским (проевропейским) феминизмом и феминизмом восточным, ориентированным на региональную специфику. Восточный феминизм закрепился в Израиле как движение, отражающее интересы прежде всего арабских женщин. Он отделен от феминистского мейнстрима Израиля национальными и религиозными барьерами. Между тем, феминистское движение пытается справиться с этими трудностями: последний феминистский конгресс был проведен в ноябре 2008 г. в Назарете, городе с преобладающим арабским населением, что в истории феминистского движения случилось впервые.

1.3. Современный этап феминистского движения

В конце XX в. процесс глобализации спровоцировал третью волну феминизма. Вхождение в мировое сообщество ряда восточных стран, их приобщение к единому хозяйству с преимущественно западной системой ценностей сопровождалось не столько ломкой привычного патриархального уклада, сколько адаптацией традиционного стиля жизни, национализма и даже фундаментализма к новым условиям. Многие восточные женщины приняли новую идеологию, невзирая на все ее противоречия: социально-экономический прогресс и демократизация могут соседствовать с традиционными семейными

ценностями патриархата, при которых женщина остается только хранительницей очага и матерью.

Такого рода идеология, как ни парадоксально, оказалась притягательна и для представительниц слоев, активно поддерживающих религиозные традиции иудаизма и живущих по законам Торы. Они увидели в ней альтернативу одиозным и шокирующим западно-феминистским положениям о праве контроля над своим телом и своим образом жизни⁵. На рубеже веков все феминистское движение Израиля качнулось вправо, в сторону национализма⁶. Поскольку национальные интересы разных этносов, проживающих на территории Израиля, не совпадают, постольку восточный феминизм и феминизм женщин, живущих по законам Торы, имеет мало общего.

Феминизм в религиозных иудейских кругах, живущих в соответствии с законами Торы, в первую очередь проявляется в борьбе за социальную активность женщины при условии сохранения привычного ей стиля жизни. Девочки получают неплохое образование в религиозных школах для девочек, которое готовит их к роли жены и матери большого семейства, преданного законам Торы. В образовании для девочек предусмотрена расширенная программа по математике, что отчасти обусловлено меньшим количеством часов на изучение Торы, чем полагается в религиозных школах для мальчиков. Девочки, закончившие религиозные школы, готовы к обучению в университетах не только на гуманитарных, но и на математических и естественнонаучных факультетах. Более того, феминистки, живущие по законам Торы, претендуют на ее изучение в том же объеме, что и мужчины, отстаивая свое право на сакральные знания. Женщины этого круга, получившие высшее образование, часто остаются работать в системе образования школьными учителями и университетскими преподавателями. Благодаря государственному законодательству, по которому суббота и иудейские праздники считаются нерабочими днями, социальная активность женщин не вступает в противоречие с традиционным жизненным укладом.

Если обратиться к проамериканскому феминизму, то в Израиле деятельность феминисток можно оценить как весьма продуктивную. Женщины могут занимать ключевые посты в правительстве, экономике, науке и социальной жизни. Вряд ли стоит упоминать все известные примеры. Тем не менее, мужчины в израильском истеблишменте составляют подавляющее большинство. Американские журналисты оценивают израильских женщин в целом и феминисток в частности как гораздо более самостоятельных,

жестких, целеустремленных и менее инфантильных по сравнению с их американскими соратницами⁷. Одновременно журналисты отмечают противоречия в отношении к женщине в израильском обществе: наряду с признанием равенства, встречаются откровенное пренебрежение и сексизм, что связывают с распространенным в регионе восточным менталитетом⁸.

Социально поддерживаемые израильские стереотипы «женского счастья» неоконсервативны. Наряду с финансовой независимостью, успешной карьерой и социально значимым статусом, женщине, чтобы ощущать себя полноценной, необходима семья: постоянный партнер и дети. Семья олицетворяет не только социальную значимость отношений, но и любовь, верность, преданность. По крайней мере, именно так интерпретирует жизнь одинокой успешной женщины в Тель-Авиве недавний телесериал Ципи Брандс «Someone to love». Феминизм подается как способ борьбы за доступность мужского образа жизни для женщин. Иначе говоря, феминизм в общественном сознании представлен не как борьба женщины за свои права, а как стремление женщины освоить стереотипы жизни успешного одинокого мужчины – таким образом интерпретируют содержание сериала социологи⁹. Социально-экономическая основа для такого толкования обусловлена отсутствием полноценной социальной поддержки одиноких матерей, реальным неравенством возможностей трудоустройства для мужчин-холостяков и одиноких матерей. Израильское государство не может гарантировать женщине возможность самореализации во всех сферах без поддержки мужчины. Причина этого не столько в дискриминации женщин, сколько в поликультурной специфике страны, внешнеполитическом положении государства и противоречиях внутри израильского феминистского движения.

1.4. Выводы

Таким образом, феминизм в Израиле довольно противоречив. Несомненные достижения связаны с проамериканскими феминистскими представлениями, реализованными в Израиле для репатриантов из Европы и Северной Америки (ашкенази). Изменения в жизни арабских женщин также связаны с проамериканским, а не восточным феминизмом. По крайней мере, доступность образования, возможность планировать и реализовывать карьеру для арабских женщин связаны почти исключительно с реализацией западных представлений о феминизме; эти изменения возможны в жизни сравнительно благополучных в социально-экономическом отношении слоев арабского населения. Противоречия в феминист-

ском движении обусловлены его тесной связью с национальной и религиозной вариативностью социума. Причем экономическое расслоение и различия в социальном статусе женщин зачастую спровоцированы поддерживаемым патриархальным образом жизни, этническими и религиозными стереотипами.

2. Феминизм в языке иврит: андроцентризм лексики и грамматики

Обратимся к обсуждению иврита в аспекте феминистской лингвистики. Иврит является государственным языком Израиля. Именно иврит реагирует на изменение статуса женщины. Эта языковая реакция проявляется как в лексике, так и в грамматике, в последней прежде всего через реализацию в речи категории грамматического рода. Причем в силу консервативности грамматики категория рода отражает как древние, патриархальные представления, так и новейшие тенденции. Актуальные изменения проявляются в особенностях использования маркированных по роду форм, в предпочтении форм немаркированных¹⁰.

2.1. Андроцентризм лексики

Начнем с обсуждения лексического андроцентризма. Потенциальную вариативность адресации и референции по полу обеспечивают не столько грамматические противопоставления, сколько лексикон. Асимметрия обращений к мужчине и женщине проявляется в наличии трех вариантов обращения *господин* (*ge'ver*, *ado'ny*, *mar*) и всего одного варианта *госпожа* (*ge'veret*). Причем обращение *ge'ver* считают сниженным¹¹. Помимо обращений, асимметричны наименования супругов, упоминаемые еще в Танахе. Номинация *муж*, *мужчина* восходит к корню *ish* (*сильный*), в то время как номинация *жена*, *женщина* – *is'ha* – при внешнем фонетическом сходстве образована от другого корня, обозначающего *слабый*. Общие наименования *люди* – *ana'shim* мужского рода и *na'shim* женского рода – также образованы от корня со значением *слабый*¹². В Танахе для обозначения *мужа* используется еще и слово *ba'al* (*хозяин*, *муж*). Параллельное номинации *ish* наименование *ba'al*, которое встречается в притчах Соломона, доказывает социальное первенство мужчины, патриархальный уклад жизни, приоритет имущественных и других прав мужчин, поскольку приравнивает представителя мужского пола к хозяину, господину. О хорошей жене в Ветхом завете говорится, что она «венец своего господина» в смысле хозяина – *ba'al* [Яновер 1996: 80-81]. В современном иврите используется и *ba'al* и *ba'ala*. Образование с грамматическим показателем женского рода *ba'ala* используется только в

качестве номинации *обладательница собственности, хозяйка*; в значении *жена* оно не употребляется. Между тем в современном иврите *ba'al* – это прежде всего *муж*, *isha* – *жена*, а лексема *ish* означает *человек*.

В номинациях нового времени мы не находим столь явной асимметрии. Парные по роду обозначения принадлежности к этносу, большая часть которых вошла в язык в начале прошлого столетия, образуются регулярным способом – суффиксальным. Женский род маркирован ударным *-a*: *tsarfa'ti* – *tsarfati'ja* (*француз* – *француз-женка*). В случаях конечного безударного *-i* в этнониме мужского рода форма женского рода образована добавлением конечного *-t*: *'belgi* – *'belgit* (*бельгиец* – *бельгийка*). В ряде существительных для образования женского рода используется *-it*; это не только этнонимы, но и наименования по профессии (*gapanit* – *садовница*) или особенностям характера (*dakdekanit* – *педантка*) и поведения (*ba'Hyanit* – *девочка-плакса*) [Glinert 1989: 449].

Парные номинации профессий и обозначений социального статуса в зависимости от пола представлены достаточно широко, что обусловлено ориентацией современного иврита на англосаксонскую культуру общения в ее американском варианте. Для образования слов женского рода в основном используется два форманта: *-a* как в *to'ra* (*учительница*), *pki'da* (*женщина-клерк*), *ro'fya* (*врач*), *sara* (*министр*); *-t* как в *mina'hel/-et* (*начальница*), *pa'selet* (*скульптор*); третий формант женского рода *-it* используется в ограниченных случаях¹³.

Полагаем, что относительно невысокий процент возникновения новых номинаций и проникновения в иврит англоязычных и вообще иностранных заимствований обусловлены стремлением к пуризму. Англицизмы, американизмы и интернационализмы зачастую заменяются словами с исконными корнями, в результате чего возникает эффект прозрачности внутренней формы (http://www.gallery.co.il/hebrew/cgi-bin/hebrew_main.pl)¹⁴. Подобная тенденция к вытеснению заимствований новообразованиями от исконных или давно освоенных номинаций характерна и для некоторых славянских языков¹⁵. Рискнем утверждать, что предпочтение новообразования от уже существующей в языке номинации заимствованию свидетельствует об активной направленности на самоутверждение этноса и сохранение национально-культурной традиции.

Часть номинаций профессий и воинских званий нейтральна по роду, т. е. в речи имеется возможность согласования по мужскому или женскому роду в зависимости от пола референта:

*professor Ruth Berman omeret (рассказывает) и professor Podolsky omer, doctor Mira olehet (идет) и doctor Noam Benyamini oleh, rosh-a-memshala Tsippy Livni mekava (глава правительства Циппи Ливни надеется) и rosh-a-memshala Bibi Nitanjahu mekave (глава правительства Биби Нетаньягу надеется), 'segen omeret / omer (лейтенант), 'seren omeret / omer (капитан). Отсутствуют формы женского рода и возможность согласования по женскому роду при референции к женщине у слов *adam* и *ben-adam* (личность) [Glinert 1989: 447]. Для многих профессий женской номинации в литературном языке не существует – во всяком случае, в словарях и нормативной грамматике она не приводится. Возможная причина отсутствия в словарях – интерпретация лексем, образованных по продуктивным регулярным моделям, в качестве словоформ исходной номинации. По той же причине не приводятся в словарях и формы прилагательных женского рода¹⁶.*

Между тем, в объявлениях о приеме на работу, в рекламных публикациях в Интернет такого рода номинации используются: *metah 'net/-t (программист/-ка), kalka 'lan/-t (экономист/-ка)*. Причем в последнем случае подразумевается несуществующая форма: нормативная номинация для женщины – специалиста в области экономики – *kalkela 'nit*, образованное от существительного мужского рода, оканчивающегося на суффикс *-an*, посредством менее продуктивного форманта *-it*. Намек на несуществующую форму мы считаем ненамеренным: список профессий, востребованных в организации и упоминаемых в объявлении, построен как последовательность номинаций для представителей мужского пола, снабженных через косую черту формантом */-et*¹⁷. Мы склонны трактовать подобную структуру списка как косвенное свидетельство представления о принципиальной возможности образования любой номинации для профессионала женского пола.

Литературный иврит, фиксируемый словарями, довольно консервативен, как, впрочем, почти любой из современных языков, в то время как повседневная речевая практика официального общения живо реагирует на требования социума. В разговорном иврите женщины по отношению к себе часто используют при обозначении профессий слова мужского рода, для того чтобы сгладить различия в профессиональном статусе мужчин и женщин, как полагают исследователи [Tobin 2001: 187].

2.2. Андроцентризм грамматики

Начнем наше обсуждение иврита в аспекте феминистской лингвистики с грамматики. Рас-

смотрим грамматическую категорию рода и попытаемся выяснить, каким образом употребляются маркеры граммем, как представлен род в сознании носителей языка, насколько семантически обусловлено грамматическое противопоставление мужского и женского рода в связи с полом, можно ли выделить общий род.

2.2.1. Род как классифицирующая категория

В иврите категория рода является классифицирующей [Glinert 1989]. Как и во многих языках, в иврите у номинаций живых существ грамматический род обусловлен полом референта: *ge'ver* (господин), *ge'veret* (госпожа); *avaz* (зусь), *avaza* (зусыня). Разграничения по роду актуальны и для форм множественного числа, как для имен – *'jeled* (ребенок), *jela'dim* (мальчику), *jela'dot* (девочки), – так и для личных глагольных форм и причастий: *lom'dim* (учатся мужчины), *lom'dot* (учатся женщины). Причем для обозначения смешанных по полу групп и выполняемых членами таких групп действий используются глагольные формы мужского рода: *jela'dim lom'dim* (учатся мальчики; учатся мальчики и девочки). Таким образом, состав группы по полу для собеседников очевиден не всегда: маркирована только женская группа¹⁸. Согласование по роду обязательно для выполнения синтаксических функций прилагательными, местоимениями, составными предлогами (восходящими к сочетанию предлога с местоимением), числительными и глаголами. В целом существительные мужского рода с регулярным грамматическим показателем составляют большую часть всех существительных в иврите (согласно Golan, Frost 2001: 632 – около 56%).

В иврите грамматические показатели рода достаточно регулярны: мужской род обычно оформлен нулевым формантом, женский – формантами *-a*, *-t* [Glinert 1989: 443]. Встречаются и исключения¹⁹. Кроме того, своеобразно проявляется грамматический род у существительных, обозначающих парные предметы: в иврите сохранилось двойственное число. В единственном числе *ajn* (глаз), *jad* (рука) – женского рода, для образования формы множественного числа используется формант мужского рода, хотя прилагательное при согласовании стоит в форме женского рода: *jadaim jafot* (красивые руки) [ibid.].

Своеобразной особенностью иврита на фоне индоевропейских языков является разграничение по роду личных местоимений во всех лицах, кроме первого. Для второго (*a'ta* – ты, мужчина; *a'tem* – вы, мужчины; *at* – ты, женщина; *a'ten* – вы, женщины) и третьего (*hu* – он, мужчина; *het* – они, мужчины; *hi* – она, женщина;

hep – они, женщины) лиц в единственном и множественном числах противопоставлены формы мужского и женского рода. Это противопоставление отражает культурно и конфессионально обусловленную необходимость варьировать регистры общения с мужчиной и женщиной. Между тем в обыденной коммуникации часто при обращении к женщинам используют немаркированные формы множественного числа мужского рода [Tobin 2001: 179]. В целом нейтрализация противопоставлений по роду, отказ от использования формы женского рода в пользу немаркированной формы мужского рода встречается в языках довольно регулярно [ibid.: 198].

2.2.2. Род имен собственных

Для определения рода имен собственных действует так называемое «правило группы»: род имени собственного определяется родом имени категории (имени группы) [Glinert 1989: 444]. Это правило основано не только на формальном, но и на семантическом критерии, поскольку речь идет о тематических группах: топонимах, гидронимах, названиях произведений искусства и спортивных команд и т. п. Правило обусловлено типичностью сочетаний имя категории + имя собственное в литературном иврите. Так, *Волга* на иврите мужского рода, поскольку слово *na'har* (река) относится к существительным мужского рода; *Лондон* – женского рода, так как *ir* (город) – это существительное женского рода. Правило группы распространяется как на исконные, так и на заимствованные номинации. Хотя в целом род заимствованных слов и топонимов не всегда можно определить однозначно. Неустойчивость отнесенности к определенному роду прослеживается и в наименованиях деревень: *shilo meruhak* и *shilo meruheket* (деревня Шило далек / далека) [Glinert 1989: 444]. Один из наиболее авторитетных специалистов по современному ивриту Б. Подольский в определении рода имени собственного обращается к текстам и речевой практике носителей языка – естественно, не всегда последовательной. В частности, названия штатов *Канзас*, *Коннектикут*, *Мэн* Б. Подольский относит к мужскому роду, хотя родовое для них наименование *medi'na* – существительное женского рода. В Википедии названия всех трех штатов подаются как существительные женского рода в соответствии с правилом группы, а не речевой практикой²⁰. Полагаем, что существенной для наивного языкового сознания приметой грамматического рода имени собственного, не обусловленного полем референта, являются формальные показатели: в речи часто согласование по роду происходит в соответствии с формантом мужского или женского

рода, а не по правилу группы. Можно сказать, что и в случае приписывания грамматического рода заимствованным словам ведущими остаются формальные критерии.

Поскольку прилагательные и глаголы согласуются с существительными, род имени собственного во фразе выражен эксплицитно. В результате возможны курьезы: название журнала *At* (*Ты – женщина*)²¹ формально мужского рода в соответствии с родовым наименованием всей группы *ktav-et* (журнал) и *i'ton* (газета).

В пользу формально-классифицирующего характера категории рода в грамматике иврита свидетельствуют наблюдения над последовательностью использования местоимений для замещения существительных Бог и Святой дух. Первое всегда ассоциируется с мужским родом, второе – с женским. Используемое в Танахе в словосочетании Святой дух слово *ruah* относится к существительным женского рода²². В Ветхом завете распространены основанные на грамматическом роде имени метафоры, позволяющие ассоциировать явление с мужским или женским началом. *Ir* (город) в иврите, как мы уже упоминали, – это существительное женского рода; соответственно в Библии города преподносятся как носители женского начала: *матери*, *девы* и т. п. [Loland 2008: 81-82].

2.2.3. Представления о грамматическом роде слов в сознании носителей языка

Судя по замещению форм женского рода формами мужского и практически никогда – наоборот, современные носители иврита осознают не только немаркированность форм мужского рода, но и приоритетность андроцентризма в коммуникации и социальном взаимодействии. Обычно для изучения представлений носителей языка о грамматической категории обращаются к эксперименту.

При планировании эксперимента моделируют ситуацию выбора грамматического маркера без опоры на семантические признаки. Возможность и правомерность моделирования такого рода экспериментальной ситуации обусловлена автономностью актуализации грамматической, фонетической и семантической информации о слове. В частности, при поиске необходимого слова в естественной коммуникации говорящий «припоминает» его фонетические («длинное такое с ударением в конце»), грамматические («только множественное число») или семантические («лошадиная фамилия») характеристики (интерпретации TOT (tip-of-the-tongue phenomena): [Brown, McNeil 1966]). Экспериментальные исследования процесса замещения номинации, проведенные с носителями разных языков, по-

зволили установить, что «доступ» к информации о грамматическом роде носитель языка получает до того, как вспоминает самое номинацию [Friedmann, Biran 2003]. Иначе говоря, носители арабского, французского и немецкого языков при оговорках или в случае аномии (забывания наименования) обычно приводят слова того же рода, что искомое слово. Любые оговорки в речи носителей разных языков представляют собой парафизии; мы, оговариваясь, произносим близкие по значению или звучанию слова. Носители иврита, как и носители любого языка, пытающиеся безуспешно вспомнить необходимое слово, реагируют парафазиями. В эксперименте Н.Фридман и М.Байран принимали участие носители иврита, больные различными типами афазий. Парафазии, продуцированные участниками эксперимента, обнаруживали фонетическое или семантическое сходство с искомой номинацией. Таким образом, как утверждают Н.Фридман и М.Байран, носители иврита, в отличие от носителей арабского, французского или немецкого, не реагируют парафазиями, совпадающими с искомым словом только по грамматическому роду. Авторы считают, что полученные ими результаты свидетельствуют о том, что род в иврите является скорее синтаксической, нежели семантической или морфологической категорией: для изолированного слова формальный грамматический род не актуален. Аналогичным образом можно интерпретировать разногласия в определении рода заимствованных слов и топонимов без опоры на их использование в тексте: для заимствованного слова род актуален при реализации синтаксической зависимости. Если так, то обусловленность грамматического рода полом референта оказывается сомнительной: сема принадлежности к полу актуализируется независимо от грамматического оформления рода.

Представления о грамматическом роде как характеристике лексемы для наивного носителя языка во многом предопределены наличием в языке регулярных показателей мужского и женского рода [Bates et al. 1995]. Между тем на материале многих языков доказана равноценная значимость и раздельное хранение фонологической и синтаксической информации о слове. Это означает, что отыскать слово в памяти мы можем по различным признакам: по сходству звучания, по принадлежности к тематической группе, по использованию в устойчивых словосочетаниях. Однако совсем не обязательно, что, отыскав слово, мы сразу же вспомним всю информацию о нем: и род, и правила изменения, и все оттенки значения. В таком случае ценность регулярности морфологических показателей отчасти нивели-

руется: знание о принадлежности слова к определенному роду не обязательно дает ключ к его правильному использованию [Golan, Frost 2001]. Для языкового сознания носителей языка регулярность показателей отнюдь не несомненна. С одной стороны, заимствованные существительные и топонимы на *-a* ассоциируются с женским родом; с другой стороны, недоступность информации о грамматическом роде искомого слова на первых этапах его поиска в ментальном лексиконе, как показали [Friedmann, Biran 2003] свидетельствует о слабой связи формант и грамматического значения мужского или женского рода.

Т.Голан и Р.Фрост предприняли специальное исследование способа доступа к информации о роде существительного в иврите и попытались оценить значимость регулярности морфологических показателей и синтаксических критериев [Golan, Frost 2001]. Выяснилось, что регулярность грамматического показателя облегчает решение о роде существительного отнюдь не всегда; наименьшее количество ошибок в определении рода существительных носители иврита²³ допускают при предъявлении слов женского рода, маркированных регулярными показателями [ibid.: 642]. Тем не менее, в случае предъявления существительного в контексте (в словосочетании) регулярность показателя играет менее существенную роль [ibid.: 643]. Авторы полагают, что полученные ими результаты обнажают знания правил оформления грамматического рода, релевантные для порождения и восприятия речи. Эти знания доступны носителю языка во время анализа поступающего речевого сообщения и планирования собственного речевого сообщения. Представление о грамматическом роде – лемма, т.е. ментальное образование, лишенное непосредственного лексического или грамматического выражения; это умозрительная категория, которая непременно должна быть репрезентирована в слове тем или иным способом (регулярным или нерегулярным). В таком случае потенциальная принадлежность каждого существительного в иврите к мужскому или женскому роду, по мнению авторов, присутствует в сознании носителя языка как ожидание наличия речевого выражения грамматического рода синтаксическими и морфологическими средствами. Тогда грамматический род и в самом деле является классификационной категорией и, по всей видимости, определяется и обрабатывается независимо от пола референта.

2.2.4. Выводы

Насколько мы можем судить, в иврите грамматический род существительных, оставаясь классификационной категорией, проявляется

прежде всего синтаксически в согласовании членов предложения. Морфологическое выражение принадлежности существительного к мужскому или женскому роду при достаточной регулярности не играет важной роли для носителей языка. Грамматический род ассоциирован со значением слабо, за исключением тех случаев, когда род отражает пол референта. Связь грамматического рода со значением прослеживается еще и в «правиле группы», определяющем согласование по роду для имен собственных и некоторых других существительных (названий букв, цифр и т.п.). Вероятно, род может приобретать символическое значение, обусловленное ассоциацией с мужским или женским полом и символикой мужского или женского начала в библейской традиции. Это обусловлено специфической функцией всех элементов и параметров сакрального или художественного текста и относительной автономностью религиозного и поэтического типов дискурса по отношению к практике повседневной коммуникации. Однако для современного языкового сознания метафоризация на основе рода, насколько мы можем судить, не слишком актуальна.

2.3. Итоги обсуждения категории рода

Подведем итоги обсуждению грамматической категории рода в иврите в аспекте феминистской лингвистики:

1. Грамматическая категория рода в иврите включает две граммы (мужского и женского рода) с регулярными суффиксальными показателями. Мужской род, как правило, немаркирован; показатели женского рода отличаются продуктивностью: -а и -t используются почти во всех случаях, -it – для нескольких категорий слов (ряд заимствований; слова с основой, оканчивающейся на кластеры согласных; слова с суффиксом -an). Помимо регулярных показателей, род существительного выражен в синтаксической конструкции благодаря согласованию зависимых от существительного компонентов.

2. Основная функция показателей грамматической категории рода – синтаксическая; в составе синтаксической конструкции слова согласуются по роду. Синтаксический критерий отнесения слова к мужскому или женскому роду является приоритетным по отношению к критерию морфологическому.

3. Грамматическая категория рода в иврите является формальной, классификационной, разделяющей весь массив существительных на два класса слов мужского и женского рода. Разделение на классы слов, обозначающих неодушевленные предметы и явления, лишённые пола, проводится по формальным критериям на основе регулярных морфемных показателей и на основе

синтаксического согласования.

4. Семантический критерий для определения грамматического рода играет роль в двух случаях: во-первых, при обусловленности рода полом референта; во-вторых, при использовании «правила группы».

5. В сознании носителей язык грамматический род ассоциирован с необходимостью синтаксического согласования; пол референта актуализируется в составе лексического значения, род – как грамматическое значение с не вполне определенным показателем.

Насколько мы можем судить, в иврите андроцентризм выражен довольно умеренно. Иврит гораздо в меньшей мере андроцентричен, чем, например, русский язык [см. Кириллина 2005].

3. Заключение

Усилия феминистской лингвистики последнего времени проявляются в расширении лексического инвентаря для обозначения возрастающей социальной роли женщины и реализации равных с мужчиной прав. Заметим, что новые слова, отражающие феминистскую ментальность, представляют собой номинации профессий.

Еще одним проявлением феминизма можно считать публикации о роли гендерного фактора в Танахе, хотя такого рода публикации появляются чаще всего на английском языке. Гендерное изучение священных книг – это одна из форм существования израильского феминизма в его религиозно-иудейском варианте.

В целом феминистское описание современного иврита остается пока не решенной задачей, поскольку не изучена вариативность речевого поведения мужчин и женщин в различных коммуникативных условиях и не определено влияние фактора гендер на использование иврита репатриантами из разных стран. Естественно предположить, что гендер будет оказывать заметное влияние на речевую практику представительниц разных диаспор. В пользу такого предположения свидетельствует заметное влияние речевых привычек первого языка на общение на иврите у недавних репатриантов и билингвизм подавляющего большинства населения страны. Полагаем, что феминистское изучение иврита необходимо рассматривать в качестве одного из аспектов социолингвистического исследования языковой ситуации в современном Израиле.

Насколько мы можем судить, статус иврита как современного языка и процесс кодификации иврита как активно эволюционирующего языка межэтнического общения израильтян хотя и привлекает пристальное внимание исследователей, в общелингвистическом ракурсе описан все же недостаточно подробно.

Израильское движение женщин как политическое течение имеет ряд существенных отличий от европейского феминизма. Наиболее важным отличием мы считаем его неоднородность, сочетание проамериканского феминизма и феминизма восточного, отражающее этническую, культурную, религиозную и языковую неоднородность общества. Специфической особенностью Израильского общественно-политического движения женщин является возможность сочетания феминистского мировоззрения с патриархальным жизненным укладом и соблюдением религиозных традиций.

¹ Полный обзор и анализ особенностей феминизма в Израиле можно найти в коллективной монографии под редакцией К.Мисра и М.Рич (*Jewish Feminism in Israel. Some Contemporary Perspectives* / Kalpana Misra, ed.; Melanie Rich, ed. HBI Series on Jewish Women. Brandeis University Press, University Press of New England, 2003).

² См.: www.iwn.org/.

³ *Israel in the Middle East: Documents and Readings on Society, Politics, and Foreign Relations, Pre-1948 to the Present* (Tauber Institute for the Study of European Jewry) by Itamar Rabinovich (Editor), Jehuda Reinharz (Editor). Oxford University Press. 1984.

⁴ Dahan-Kalev, Henriette. Mizrahi Feminism in Israel. In: *Jewish Woman's Archive*. URL: <http://jwa.org/encyclopedia/article/mizrahi-feminism-in-israel>.

⁵ Ibid.

⁶ Женщины, вовлеченные в высокую политику, признают, что ставят национальные интересы выше феминистских: Shiloh, Dina. *A Rite of Passage: Women in the Israeli Army*. *WIN: Women's International Net*, Issue 10B (June 1998).

⁷ См., например, статью С.Скотта об израильском феминизме: <http://samueljscott.wordpress.com/2009/02/04/letter-from-israel-sex-and-feminism-2/>.

⁸ Там же.

⁹ Avirama Golan. For feminists, Israel is no promised land // *From Haaretz*. Copyright © 2002 The International Herald Tribune. Monday, December 30, 2002.

¹⁰ Обычно в языках не маркированы формы мужского рода и именно они приводятся в словарях в качестве исходных при словоизменении.

¹¹ См.: <http://community.lugovsa.net/index.php>

¹² См.: <http://www.balashon.com/2008/10/ish-and-isha.html>

¹³ Там же.

¹⁴ Например, текстовое сообщение обозначают словом *misron*, образованным от *meser* – знак, слово в сообщении (См.: http://www.nytimes.com/2008/08/08/world/middleeast/08hebrew.html?_r=1), новообразованное постепенно входит в обиход.

¹⁵ См., например, в словацком языке *novinar* / *novinarka* (журналист / журналистка) от *novina* (газета).

¹⁶ В европейской лексикографии принято трактовать номинации различного рода, обусловленные по-

лом референта, как различные лексемы – см., в частности, франкоязычную (и в целом – романскую) и славянскую лексикографическую практику.

¹⁷ См. регулярные объявления о вакансиях на <http://www.israemploy.net/>.

¹⁸ Симптоматично признание одной из представительниц власти города Сдерот: в своей приемной Ливнат поменяла автоматическое телефонное сообщение «Подожди (мужчина), пожалуйста» на нейтральное по роду «Подождите (мужчины и женщины), пожалуйста». Ливнат прокомментировала свое решение таким образом: «Это, конечно, не революция, но шаг в нужном направлении» (Shiloh, Dina. *A Rite of Passage: Women in the Israeli Army*, *WIN: Women's International Net*, Issue 10B. June 1998).

¹⁹ Список бессуффиксальных имен существительных женского рода приводится в параграфе 39.3 «Грамматики современного иврита» [Glinert 1989: 445].

²⁰ См.: <http://community.lugovsa.net/index.php>

²¹ Там же.

²² Nyland, Ann. *The Bible and Grammtical Gender*. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://ezinearticles.com/?The-Bible-and-Grammatical-Gender&id=1787691>

²³ В тщательно спланированных авторами экспериментах принимали участие только те носители языка, для которых иврит – первый язык.

Список литературы

Кирилина А.В. Гендер и язык. М.: Языки славянских культур, 2005.

Яновер М. Путь иврита – путь народа. Израиль. Изд. «Мория», 1996.

A Gender-Sensitive Translation of the Torah. URL: http://ancienthebrewpoetry.typepad.com/ancient_hebrew_poetry/2007/12/the-gender-sens.html

Bates El., Dale Ph. S., Thal D. Individual Differences and Their Implications for Language Development // Fletcher P., MacWhinney B. (eds.). *The Handbook of Child Language*. Oxford, 1995. P.96-151.

Brown R., McNeill D. The "tip of the tongue" phenomenon // *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*. 1966. 5. P.325–337.

Dahan-Kalev H. Mizrahi Feminism in Israel. In: *Jewish Woman's Archive*. URL: <http://jwa.org/encyclopedia/article/mizrahi-feminism-in-israel>

Friedmann N., Biran M. When is Gender Accessed? A Study of Paraphasias in Hebrew Anomia // *Cortex*. Volume 39, Issue 3, 2003, P.441–463.

Glinert L. *The Grammar of Modern Hebrew*. Cambridge University Press, 1989.

Golan T.H, Frost R. Two Routes to Grammatical Gender: Evidence from Hebrew *Journal of Psycholinguistic Research* 2001. Volume 30, Number 6, 627-651, DOI: 10.1023/A:1014235223566

Israel in the Middle East: Documents and Readings on Society, Politics, and Foreign Relations, Pre-

1948 to the Present (Tauber Institute for the Study of European Jewry) by Itamar Rabinovich (Editor), Jehuda Reinharz (Editor). Oxford University Press, 1984.

Jewish Feminism in Israel. Some Contemporary Perspectives / Kalpana Misra, ed.; Melanie Rich, ed. HBI Series on Jewish Women. Brandeis University Press, University Press of New England, 2003.

Loland H. Silent or Salient Gender? Mohr Siebeck, 2008.

Nyland A. The Bible and Grammatical Gender.

URL: <http://ezinearticles.com/?The-Bible-and-Grammatical-Gender&id=1787691>

Shiloh D. A Rite of Passage: Women in the Israeli Army, *WIN: Women's International Net*, Issue 10B (June 1998).

Tobin Y. Gender switch in modern Hebrew // Gender Across Languages: The Linguistic Representation of Women and Men. Hellinger, Marlis & Bussmann, Hadmumod (Eds.); John Benjamins, Amsterdam. v. 1, 2. 2001. P.177–199.

FEMINISM SPECIALITIES IN THE STATE OF ISRAEL: POLITICS, CULTURE, LANGUAGE

Irina G. Ovchinnikova

**Professor of Speech Communication Department
Perm State University**

The article describes the Hebrew language in terms of gender. The gender expression speciality in Hebrew is a combination of new trends in formation of nominations for females by profession with the address asymmetry preservation. The gender grammatical category is a classifier and also is significant in terms of syntax. According to the experimental data, gender of separated nouns is not relevant to the native speakers' consciousness. Hebrew androcentrism could be evaluated as moderate. Gender expression in the Hebrew language is analyzed against the background of the feminism development in the political and cultural life of the State of Israel.

Key words: Western feminism; Eastern feminism; gender; word formation; semantic category.